

Млела вокруг цветная дымка, а зелень образовывала густую тень.

Цю Юэ провела Е Ханьяня через полтора десятка извилистых тропинок и полдюжины построек, мимо пяти-шести десятков слуг и восьми-девяти беседок, пока наконец не остановилась перед каменным замком.

Замок был целиком белоснежным, священным и величественным. Одна из створ каменных дверей уже была распахнута, словно в сердечном приглашении.

Оба шагнули внутрь, и каменная дверь захлопнулась с глухим стуком.

Ни ветра, ни луны.

Лишь белая полированная глазурь, и во всём мире царила абсолютная, звенящая чистота.

В этом мире из глазури находился лишь один человек и один гроб.

Гроб целиком был белым и стоял в самом центре каменного замка. В радиусе одного чжана вокруг не было ни малейшего признака живого существа. Десять световых столбов окружали гроб — изящные и кристально чистые, словно белый нефрит.

Цю Гу сложил перед собой печать и стал медленно вливать духовную энергию в гроб.

Е Ханьянь подошел ближе и, бросив взгляд на мёртвое тело в гробу, невольно слегка изменился в лице.

Высохшие конечности, лицо, похожее на череп, иссохшее, опустошённое тело, на котором остался лишь тонкий слой высохшей плоти и кожи.

Это явно был высохший труп, личность которого было совершенно невозможно опознать. Но по его одежде и украшениям Е Ханьянь смутно смог определить, что это был предыдущий глава Поместья Цаньтянь — Цю И.

А также отец Цю Гу и Цю Юэ.

Цю И было всего чуть за сорок, он находился в самом расцвете сил, да и его уровень совершенствования был на высоте — как он мог превратиться в столь жалкое зрелище?

Вокруг царила абсолютная тишина, мёртвая, гробовая тишина.

Лишь всхлипывания Цю Юэ заставляли Е Ханьяня чувствовать лёгкую тоску.

Долгое время никто не ронял ни слова.

Цю Гу убрал печать и поклонился Е Ханьяню:

— Брат Е.

— Это... старый глава поместья... — Е Ханьянь начал говорить, но тут же почувствовал, что нарушил приличия. За последние полгода не было ни единого слуха о кончине Цю И. Очевидно, здесь имелись скрытые обстоятельства, раз это тщательно утаивали, и его вопрос выглядел несколько бестактным.

— Ничего страшного.

Цю Гу слегка кашлянул — возможно, из-за недавнего чрезмерного расхода духовной силы, — и нетвердой походкой подошел к гробу. Глядя на своего отца, он заметил в глазах проблески крови:

— Именно поэтому я попросил брата Е принести Бай Ю. Ходят слухи, что Бай Ю способна вернуть плоть на белые кости, а живым даровать вечную молодость. Пусть это всего лишь легенда, но даже если есть шанс один на миллион, я должен вернуть отцу прежний облик, прежде чем предать его земле. Иначе, даже если мне придется уничтожить всю свою духовную силу, я сохраню эти высохшие останки отца.

Свет глазури вращался, отбрасывая особенно холодной отблеск.

Тело Е Ханьяня слегка содрогнулось, и он горько улыбнулся.

Разве это сыновняя любовь и родительская забота? У него не было ни отца, ни матери, и он не мог проникнуться до конца чужой болью.

Стоявший перед ним Цю Гу казался чужим — таким убитым горем, таким растерянным, таким озлобленным.

Он никогда раньше не видел его таким.

Сдержанное отчаяние словно кровоточащая рана.

Е Ханьянь больше ничего не сказал и достал из-за пазухи лунообразный нефрит размером с ладонь. На нефрите смутно угадывался вырезанный город, окутанный лазурной дымкой — сквозь туман виднелись лишь размытые очертания цвета морской волны, словно в стремительном беге времени сам город на нефрите неуловимо менялся.

Бай Ю. Священное сокровище Юймина.

Сокровище, заполучить которое жаждал каждый в Поднебесной.

— Братец, почему ты помешал мне отомстить за отца? К тому же я тоже могла бы передавать отцу духовную силу! — Цю Юэ уняла слёзы, и в её глазах читалась такая чистая простота, будто всё вокруг вновь становилось понятным и лёгким.

Словно если тебя обидели, надо дать сдачи, ответить силой — к чему все эти заумные интриги и коварные планы?

На лице Цю Гу появилась горькая улыбка:

— Чтобы передавать духовную силу, брату достаточно и одного меня. Но, Юэ-эр, даже если брат сам жаждет отомстить за отца, по сей день мы так и не узнали, где скрывается убийца. Как ты собираешься мстить?

Е Ханьянь озадаченно спросил:

— Неужели покойного главы поместья убили из засады?

Взгляд Цю Гу помрачнел:

— Душу и духовную энергию отца высохла какая-то тварь, вот он и превратился в такое чудовище.

Злой дух, пожирающий души?

Хотя в мире и могли существовать злые призраки и мстительные духи, требующие человеческих жизней, а существа, способные пожирать души и поглощать духовную силу, обычно обладали столь низким уровнем развития, что ими можно было пугать разве что простых крестьян, а не ранить практиков. К тому же большинство таких тварей безжалостно подавлялось Сто Кланами Пути Сюань, и стоило появиться хоть одной, как её тут же уничтожали. Цю И сам был практиком, а противостояние столь низшим злым духам служило лишь закалкой в тренировках — как же он мог не справиться?

Если же действительно объявился злой дух, пожирающий души, за этим наверняка кто-то тайно стоял и дёргал за ниточки.

Цю Гу продолжил:

— В тылу нашего поместья есть духовный родник, из которого всегда бил поток духовной энергии, чрезвычайно полезной для совершенствования. В первый день каждого месяца отец отправлялся к источнику для занятий. Три месяца назад он, как обычно, ушёл практиковать, но с удивлением обнаружил, что духовный источник исчез. Вместо него, на месте, где должен был быть родник, возникла подземная усыпальница, у входа в которую притаились две каменные статуи си-ху. Отец велел нам ждать снаружи, а сам отправился на разведку. Но едва он вошёл в усыпальницу, как та бесследно растворилась, и сам отец пропал. А когда усыпальница исчезла, на её месте вновь появился духовный источник — точно такой же, как прежде. Больше сотни людей из нашего поместья прочесали каждый уголок на сто ли вокруг, но так и не смогли отыскать ту усыпальницу. Лишь спустя три дня мы нашли отца в конце Леса Иньсе.

Он судорожно вцепился пальцами в края гроба, изо всех сил стараясь сдержать подступающие горе и гнев:

— Но отец уже был... мёртв. С тех пор я приказал людям неусыпно охранять духовный родник, но эта таинственная усыпальница больше так и не появилась.

Е Ханьянь уточнил:

— С чего ты решил, что душу твоего отца пожрали?

— В тот миг, когда усыпальница исчезала, я видел, как ожили звери си-ху, — голос Цю Гу сорвался на шёпот, а лицо побелело. — Тогда я подумал, что мне показалось, ведь всё длилось лишь мгновение. Но позже, увидев тело отца с полностью растерянной духовной силой и исчезнувшей душой, я понял наверняка. Я всё пытался отыскать осколки души отца, но раз за разом терпел неудачу. Вот почему я решился попросить брата Е похитить Бай Ю. Дело это огромной важности, и если правда вскроется, ни брат Е, ни наше Поместье Цаньтянь не избежат расплаты. Другого выхода у нас просто не оставалось.

Е Ханьянь молчал.

Если кто-то создал иллюзию, выпустил зверей си-ху и поглотил душу Цю И — кто этот человек и какова его цель?

Если его цель заключалась в том, чтобы похитить Бай Ю, то ключевым звеном во всём плане был Цю Гу. Стоило Цю Гу отказаться от использования Бай Ю, как замысел злоумышленника провалился бы. К тому же, если этот человек способен создавать иллюзии, он вполне мог заполучить Бай Ю самостоятельно — к чему было затевать столь сложную многоходовку?

А может, его истинной целью было именно собирание осколков душ практиков?

Моя хата с краю, ничего не знаю.

Е Ханьянь интересовался лишь прекрасными вещами и деньгами, а расследование убийств и погоня за преступниками не привлекали его ни капли. Хотя он обычно и водил дружбу с Цю Гу, но перед лицом жестокой смерти Цю И мог лишь выразить сочувствие и мимоходом почтить память усопшего.

Что же до Бай Ю — она была лишь залогом в их сделке. Теперь этот залог передан в руки хозяина, он получил причитающуюся награду, а значит, сделка завершена. С этого момента никто никому ничего не должен.

Для великого вора воровство — вот настоящее дело.

А ловить убийц, расследовать преступления и мстить — забота Сто Кланов Пути Сюань и официальных властей.

Воры и чиновники всегда по разные стороны баррикад, и если благородный вор примется разыскивать преступника, разве это не похоже на добровольный визит в пасть к тигру?

Меньше знаешь — крепче спишь, Е Ханьянь никогда не любил совать нос в чужие дела.

Он медленно подошел к гробу,

и бережно положил Бай Ю внутрь, прямо на лоб Цю И.

Тихий-тихий, но пронзительный и резкий птичий крик пронесся в тишине, прозвучав так, будто кто-то случайно затянул мимолётную песню.

Ночь постепенно сгущалась.

Прежний мир из глазури внезапно погрузился во тьму, словно весь свет глазури в одно мгновение впитался внутрь, отразившись в прозрачной Бай Ю и сплетясь над телом Цю И в сияющую ленту.

По мере того как сияние струилось по телу, иссохшие останки Цю И стали на глазах меняться: в запавших щеках проступил бледный оттенок жизни, казалось, будто мирный старец просто погрузился в безмятежный сон, и с рассветом к нему вернется прежняя бодрость.

— Отец! — заливаясь слезами, Цю Юэ рухнула на край гроба, не зная, радоваться ей или плакать.

Цю Гу низко поклонился Е Ханьяню:

— Благодарю!

Если бы всё в жизни шло гладко, откуда бы бралось столько тоски и одиночества?

Само слово благодарность звучало невероятно тяжело.

Е Ханьянь ответил на поклон:

— Не стоит больше благодарить. Я лишь возвращаю давний долг за своего наставника, отныне мы квиты. Бай Ю — государственная реликвия, и по прошествии полумесяца, когда она вернет прежний облик старому главе, я непременно приду за ней, чтобы вернуть в запретные покои императорского дворца.

Он тяжело вздохнул:

— За это положено тягчайшее наказание по законам государства. Если Священный Император прознает об этом, меня сотрут в порошок, не оставив даже пыли.

Цю Гу виновато произнес:

— Это я подвел брата Е. Впредь, если я понадобится хоть для какого поручения, я разобьюсь в лепёшку, но исполню волю брата.

Цю Юэ подняла голову и озадаченно спросила:

— Разве лучший в мире вор не промышляет тем, что ходит по лезвию ножа? Е Ханьянь, неужели ты боишься смерти?

Е Ханьянь улыбнулся краешком губ:

— Бояться смерти и не желать умирать — это две разные вещи. Мир так прекрасен, я, разумеется, хочу жить.

— Будь спокоен, брат Е, я сдержу своё слово. — Цю Гу молча посмотрел на Е Ханьяня и слабо улыбнулся.

Что ж, так даже лучше.

Гуйюй. Место окончательного угасания душ.

Последний лунный луч угас на самом краю небытия, словно скорбная песня, отдавшись одиноким эхом под небесным сводом.

А затем наступила бесконечная ночь.

Тьма без конца и края.

Одинокая фигура в алых одеждах небрежно сидела на каменных ступенях вершины жертвенного алтаря. Взгляд её, словно сорванный ветром лист, скользнул со звёздного неба вниз к подножию алтаря.

Там раскинулся призрачный город.

Окутанный лазурной дымкой, он позволял разглядеть лишь размытые бирюзовые очертания. Под этой бирюзой крутились потоки света, создавая впечатление, будто сам город непрерывно меняется.

Позади него тяжело свисали шёлковые занавеси, и даже пролетавший ночной ветер не нарушал царившего здесь безмолвия. Казалось, весь мир и всё сущее трепетали перед его властным величием, не смея и шелохнуться.

Когда он нисходит, все небеса падают ниц.

Раздался тихий, но пронзительный и резкий птичий крик, словно песня, внезапно донесшаяся из отдаленных пределов мироздания.

В этот момент лазурный туман, укутывающий город, взметнулся вверх, зависнув в полувоздухе подобно парящему острову.

Город под бирюзовой пеленой предстал во всём своём великолепии.

Простираясь на тысячи ли в окружности, его стены возвышались на десятки чжанов.

Ни шума, ни войн — царившие здесь обитатели дышали зажиточностью и красотой, величественные и монументальные. Бирюзовые крепостные стены тянулись на тысячу ли, рядами уходя вдаль и укрывая собою весь город целиком.

Это делало его похожим на древнего спящего гиганта — безмятежного и глубокого.

Фигура на каменных ступенях вздрогнула от мелькнувшего в глазах ужаса и рухнула на колени, припав к земле:

— Владыка, кто-то потревожил духовную энергию реликвии!

Облаченный в алое человек перевел взгляд с лазурной дымки на бирюзовый город, а уголки его губ искривились в насмешливой улыбке:

— Ха, семнадцать лет... Наконец-то они снова посягнули на него.

Военачальник, простёртый ниц перед ним, произнес с пылкой клятвой:

— Владыка, твой слуга готов повести войска в поход на Небесную Династию Цяньюань, чтобы вернуть реликвию!

Новая луна только поднималась над горизонтом, и её свет, словно река, струился по распущенным прядям алых волос владыки, придавая ему внезапно невыразимую, чарующую притягательность.

— Тому ребенку, которого мы тогда спасли, уже исполнилось семнадцать, верно? — он легко улыбнулся. — Мне самому любопытно взглянуть, кто же это проявил такую дерзость. И узнать, чего же он добивается.

Он едва слышно щелкнул пальцами.

Зависший в воздухе лазурный туман внезапно прогнулся под колоссальным давлением рухнувших небес, словно серебряное блюдо, опустившись и накрыв собой бирюзовый город.

Иллюзорный город вновь вернулся к прежнему виду.

Облаченный в ослепительно-красные одежды сошел по ступеням — неторопливо, с царственной легкостью, увлекая за собой неотвратимую бездну темной ночи, и растворился в самой её глуши.

На его губах играла едва заметная, зловещая улыбка — он никому и никогда не позволил бы причинить вред этому городу.

На следующий день Е Ханьянь покинул Поместье Цаньтянь.

Он ушел тихо, перед уходом простившись лишь с Цю Гу. Что же до того, что Шо Чэнь выдавал себя за Е Ханьяня — это оставалось их общим тайным секретом. Поэтому на третий день после ухода Е Ханьяня, когда Шо Чэнь неторопливо и с тяжелой головой пришел в себя, Цю Гу по-прежнему с царским гостеприимством принимал его под именем Е Ханьяня, оставив жить в Павильоне Гу Юэ.

Цю Гу закрылся на все замки и не выходил наружу, а Цю Юэ, естественно, было нечем заняться, и она неотступно преследовала Шо Чэня, то и дело обращаясь к нему то братец Хань, то Хань-гэ. Она даже заявляла, что раз он когда-то посмел повести себя с ней вольно, теперь ей и показаться людям стыдно, и принуждала Шо Чэня дать клятву, что в этой жизни он обязан на ней жениться.

Разумеется, Шо Чэнь не соглашался на столь безумные требования. После того как он уже сто восемьдесят раз объяснил, что он вовсе не Е Ханьянь, Цю Юэ, склонив набок свою прелестную головку и, судя по всему, наконец поверив, что он действительно не Е Ханьянь, выдвинула еще более нелепое требование.

Шо Чэнь был обязан разыскать вместе с ней Е Ханьяня, в противном случае она грозила переломать Шо Чэню ноги, отрубить руки и бросить его в гроб.

Тому лишь оставалось горько оплакивать свою судьбу.

В конце концов, он всё же был вынужден взять Цю Юэ с собой и шаг за шагом покинуть Поместье Цаньтянь.

Павильон Гу Юэ.

Цю Гу припал к гробу, глядя на способную вернуть плоть на кости Бай Ю, и в его глазах неизменно затаивалась глубокая печаль.

Цю Ци медленно вошел внутрь и доложил:

— Глава, госпожа Юэ снова покинула поместье.

Цю Гу кивнул:

— Я знаю.

Цю Ци с тревогой произнес:

— Глава, времена нынче беспокойные, как можно позволять госпоже Юэ так вольничать? Если с ней в пути приключится беда, что нам отвечать старому главе под девятью источниками?

При упоминании отца тоска в глазах Цю Гу лишь усилилась, и он тяжело вздохнул:

— Когда отец был жив, он тоже баловал Юэ-эр во всём. Она должна была, подобно птичке, свободно распевать песни и расти счастливой, разве могу я лишить её тех немногих радостей,

что у нее остались?

Спустя долгое время он тяжело вздохнул:

— Пусть идет куда хочет. Всё, чего желает Юэ-эр, она должна иметь право отыскать.

Цю Ци невольно сжал рукоять меча на поясе, и в его душе всколыхнулись боль утраты и гнев:

— Рождаясь людьми, все мы имеем право на собственный выбор, и судьба госпожи Юэ не должна быть кем-то предопределена. Неужели ты, глава, никогда не думал сделать хоть что-то, чтобы положить конец этой несправедливости?

— Но соглашение тогда подписал отец. Мне не было ещё и восьми лет.

Цю Гу с размаху ударил кулаком по гробовой крышке, так что на суставах пальцев выступила кровь.

— Завести тех людей в тайную усыпальницу и замести все следы. Раз Юэ-эр ушла, в них больше нет нужды.

Те люди были лишь ступенью для совершенствования Цю Юэ, а когда лезешь на дерево, лестницу неизменно убирают.

<http://bllate.org/book/21826/2260529>